

Ю. А. Стуликова

Екатеринбург, Россия

Игровой образ «чужого» в итальянском диалектном пространстве

Аннотация. Для жителей Италии характерно противопоставление «свой – чужой» на уровне разных городов, деревень, географического ареала, региона. Ощущение особенности, своего отличия от соседа (во внешности, характере, кухне, особенно – языке) свойственно жителям этой страны. Существует множество крупных диалектов, таких, как тосканский, неаполитанский, сицилийский и др., которые далее дробятся на субдиалекты, затем – наречия и говоры. Языковые особенности диалектов часто служат «дразнилками» для высмеивания «чужих» и являются отражением реальной культурно-языковой ситуации.

Ключевые слова: Италия; диалект; итальянский язык; «дразнилка»; «свой – чужой»; ритм; нейтральный диалект.

Y.A. Stulikova

Ekaterinburg, Russia

Image of an “Alien” in Italian Dialect Sphere

Abstract. It is typical of Italians to contrast “friend and alien” on the level of different cities, villages, geographic area, regions. Feeling of difference from the neighbor (in appearance, character, cuisine, language) is characteristic of the inhabitants of the country. There are many dialects, for example Tuscan, Neapolitan, Sicilian and others, they are subdivided into sub-dialects and patois. Peculiarities of dialects are often the basis for ridicule of the “alien” and they reflect real cultural and language situation.

Key words: Italy; dialect; Italian language; ridicule; “friend-alien”; rhythm; neutral dialect.

У жителей Италии, в силу объективных причин исторического, культурного и лингвистического порядка, чувство национальной принадлежности развито довольно слабо, и представление “свой” – чужой” обычно реализуется через противопоставление жителей своей и чужой местности (даже за пределами собственного национального пространства, например, в условиях эмиграции). Своеобразие определенного географического ареала, региона (официальной административной единицы) или отдельного города складывается из таких особенностей его жителей, как внешность, характер, гастрономические предпочтения, специфика имен собственных и так далее, но главным в этом ряду является, безусловно, язык, на котором они говорят, то есть диалект.

Для обозначения устных языков Италии традиционно используется термин “диалект” (ср. название труда авторитетного итальяниста Г. Рольфса “Историческая грамматика итальянского языка и его диалектов”). Многими замечено, однако, что итальянские диалекты неоднородны по своему статусу внутри страны, а “что касается значения этого слова, у него нет единого и абсолютно однозначного семантического содержания, ни в общеупотребительном, ни в лексикографическом, ни в научном употреблении” [Dizionario linguistico 2004: 229]. Для обозначения собственных диалектов итальянские исследователи предпочитают использовать термин *varietà*, то есть “разновидность”, подразумевая вариант, который каким-либо образом отличается от стандартного итальянского языка. Итальянские диалекты повсеместно имеют собственные названия, наряду с полноценными языками, например *il toscano* – тосканский диалект (или язык?), *il romanesco* – диалект Рима, *il veneto* – венецкий диалект и так далее. Сложность идентификации состоит в том, что каждый из этих крупных диалектов дробится далее на более мелкие субдиалекты и далее на наречия (*vernacoli*) и говоры (*parlate*), которые сами по себе составляют отдельные системы и выступают основой для противопоставления “свой – чужой” даже на уровне соседних деревень.

К признаку географического варьирования диалектов ученые время от времени добавляют другие черты, например, наличие или отсутствие литературной традиции, коли-

чество (большое или не очень) говорящих, отсутствие социального престижа и другие. Нам представляется бесспорным тот факт, что крупные диалекты Италии – тосканский, неаполитанский, сицилийский и другие – не только обладают собственной литературной и живой фольклорной традицией, но в их среде реализуется языковое творчество, особенности которого могут даже выступать в роли специфических черт данных диалектов.

Жителям Италии как никому другому в Европе свойственно обостренное ощущение своей особенности, отличия собственного языка от языка соседа. В своем крайнем выражении это ощущение проявляется в порой жестоком, доходящем до расизма, антагонизме южан и северян, которые даже наградили друг друга обидными прозвищами. Так северяне для жителей юга – это *polentoni*, то есть те, кто едят поленту – кукурузную кашу, а южане для северян – *terroni*, то есть крестьяне, те, кто привязан к земле и ничего, кроме земли не имеет. Острота противопоставления хорошо передается сценой сна Альдо в фильме *“Tre uomini e una gamba”* (комическое трио Альдо, Джованни и Джакомо): персонаж-южанин попадает в незнакомый дом к двум северянам, которые подвергают его лингвистической проверке, чтобы установить, “свой” он или “чужой”. Как в волшебной сказке, если окажется, что герой – чужой, то есть “*terun*” (так северяне произносят слово *terrone*), он будет казнен. Герой это понимает и пытается надеть маску “своего”: вместо имени и фамилии он от страха называет себя двумя наиболее распространенными на севере фамилиями – Брамбилла Фумагалли, затем изменяет речь на галло-романский манер, отсекая конечные гласные и говоря “в нос”. Чтобы установить истину, северяне прибегают к “верному” средству – предлагают воспользоваться предметом, который они обозначают диалектным словом “*catrega*” (очевидно, от лат. *quadriga*). Герой, не зная этого слова, берет наугад яблоко, откусывает от него и жует, сопровождая свои действия комментарием *Vona quest' catreg'* “какая вкусная катрега”, но ошибается, так как, будучи “своим”, он бы понял, что ему предлагали стул. Кошмарный сон заканчивается бегством героя. Жестокий гротеск в данном

случае является “сгущенным” отражением реальной культурно-языковой ситуации.

Существует несколько эпизодов в итальянских фильмах (очевидно, подсмотренных в реальной жизни), где персонаж надевает чужую престижную “диалектную” маску, например, для того, чтобы произвести впечатление на девушку. В этом случае обычно используется утрированная миланская речь с особой интонацией, связанной с упрощением двойных согласных, которые, напротив, характерны для итальянского языка центра и юга страны.

В отношении многих чужих областей Италии местные жители используют специальные фразы, своего рода “дразнилки”, которые отражают особенности произношения, грамматики, синтаксиса этого языка. Языковые особенности “чужих” – это одна из тем для повседневного неформального общения, к которой традиционно обращаются в игровых целях. Во внимание берутся, конечно, наиболее яркие, лежащие на поверхности явления. Так, тосканское произношение с придыханием и характерной интонацией воспринимается жителями других областей Италии, например, венецианцев, как смешное: *Hai mai sentito parlare i toscani? Quant'e' buffo!* – “Ты никогда не слышала, как говорят в Тоскане? Это очень смешно!”. Существует известная всей стране “дразнилка”: *“Mi dia una Noha-Hola hon hanucia, ma horta-horta!”*, где утрируется “горджа тоскана” – переход заднеязычного интервокального *k* в *h* (*Coca-cola* → *hoha-hola*) (“Дайте мне кока-колу с соломинкой, но очень короткой!”). Другой пример “смешного чужого” был нами услышан в разговоре с жителем Неаполя – столицы региона Кампании и крупного исторического и культурного центра – который со смехом рассказывал, что в соседнем с Неаполем небольшом городке его жители называют зеркало не обычным для итальянцев словом *specchio* (от латинского *speculum*), а диалектным *'o tale quale*, что можно перевести, как “такой же, какой есть”. В данном случае прозрачная внутренняя форма была говорящим воспринята как проявление наивного провинциализма, с которым он, житель крупного центра, не имеет ничего общего. Стоит заметить, что подобное стремление принизить соседа (как и в приведенном выше примере) свидетельствует о зависти к более

успешному конкуренту на национальном пространстве и, как следствие, желании возвыситься за счет еще более слабого.

В случае с сицилийским диалектом языковые особенности острова в сознании жителей континентальной Италии тесно связаны с такими особенностями сицилийского характера, как консерватизм, тесные родственные (кровные) связи, обостренное чувство фамильной чести. В известном эпизоде из фильма “Злоумышленники как всегда остались неизвестными” юноше, чтобы увидеть девушку-сицилийку, в которую он влюблен, приходится притвориться ее братом: на ее вопрос “Кто там?” он отвечает, зажав пальцами нос: “Sono Mmichele, ddimenticai le chiavi” (“Это Микеле, я забыл ключи”). В данной фразе для создания образа “своего” используется закрытый тембр гласных (с помощью зажатого носа), растянутые согласные, которые остаются твердыми даже в положении перед гласными переднего ряда, и употребление давнопрошедшего времени в функции перфекта (dimenticai вместо общеитальянского ho dimenticato). Особенности сицилийской речи традиционно используются для создания образа “мафиозо”. Например, в одной эстрадной песне, являющейся пародией на собирательный образ “мафиозо”, автор вкладывает в уста своего героя фразу “Ora chiamo **A** mio cugino” (“Сейчас я позову своего двоюродного брата”), в которой эффект угрозы (предполагается, что кузен – это некое влиятельное лицо, какой-нибудь мафиозо в масштабах родной деревни) снижается из-за грамматической неправильности конструкции, где присутствует яркое диалектное явление на уровне синтаксиса (исполнитель намеренно выделяет голосом и интонацией предлог “a” после переходного глагола перед прямым дополнением).

Римский диалект также очень колоритен. Для него характерна, кроме диалектной лексики и особого произношения (ротацизм: *er caro* вместо *il caro*), особая синтаксическая конструкция – *foderamento*, букв. “подбивка тканью” (Rossi 2002: 170), состоящая в том, что “одно и то же высказывание иногда заканчивается повторением его начальной части, часто оторванной и превращенной во что-то вроде итеративной точки, чьи слоги имеют простую ритмическую функцию. Речь идет о явлении *foderamento* “подбивка” (называемого также

frase foderata “фраза с подкладкой” или frase ad eco “фраза с эффектом эхо”), часто присутствующем в диалектах, особенно в римском (romanesco). Оно проявляется «в двух разных формах: или с полным повторением целого слова или синтагмы («e' lui / e'»; «mi pare strano / mi pare»), или же с повторением, с нулевым смыслом, только части слова или двух связанных слов («si t'acchiappo, sitta»): первая ритмическая ячейка высказывания повторяется в конце исключительно по ритмико-фонетическим соображениям, то есть для «фонологического насыщения», и по игровым, противоречия семантическим и лексическим законам целостности слова»)» [Rossi 2002: 170].” Использование этой особенности в качестве “дразнилки” наблюдается, к примеру, в спектаклях комического трио Альдо, Джованни и Джакомо, где Альдо всегда берет на себя роль “южанина”, terrone. Именно в его речи мы услышим подобные фразы: “T'ho detto basta, t'ho detto!”.

В качестве заключительной ремарки можно отметить, что некоторые диалекты, например, венецианский или лигурийский, не дают яркого материала для “передразнивания” и являются как бы нейтральными, воспринимаясь как часть всего северного пространства. Мы не знаем, с чем это связано – с достаточно нейтральной социально-экономической ситуацией, не дающей повода для зависти, или с культурно-историческим престижем двух бывших морских республик, или с недостаточно ярким проявлением диалектных особенностей на национальном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dizionario di linguistica e di filologia, metrica, retorica (Dir. da Gian Luigi Beccaria). – Giulio Einaudi Editore s.p.a., Torino, 2004.
2. Rossi F. La lingua in gioco. – Bulzoni, Roma, 2002.

© Стуликова Ю.А., 2008